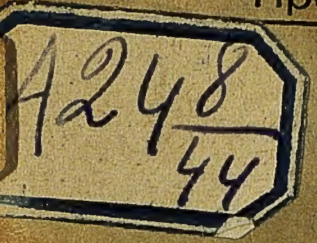

A24 8/44

Проф. А. А. Кизеветтеръ.

Сергѣй Андреевичъ МУРОМЦЕВЪ

Предсѣдатель Первой Государственной Думы.

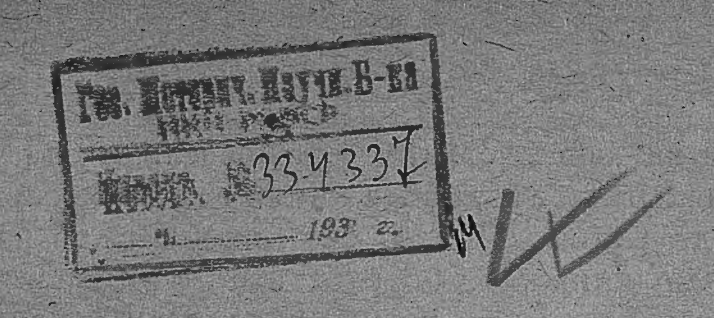
(Съ портретомъ)

Изданіе 2-ое.

МОСКВА—1918.

I.

27 апрѣля 1906 года въ Петербургѣ открылась первая Государственная Дума. Когда члены Думы приступили къ выборамъ предсѣдателя Думы, то оказалось, что изъ 436 поданныхъ записокъ на 426-ти запискахъ значилось одно и то же имя: Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Послѣ этого всѣ члены Думы единогласно рѣшили: быть предсѣдателемъ Думы Муромцеву.

Почему же всѣ такъ скоро и единодушно согласились на этомъ человѣкѣ? Чѣмъ онъ былъ ранѣе извѣстенъ? Какъ онъ жилъ, что дѣлалъ до созванія Государственной Думы?

Муромцевъ родился 23 сентября 1850 г. въ Петербургѣ. Отецъ его тогда служилъ офицеромъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ. Въ казармахъ этого полка и появился на свѣтъ будущій предсѣдатель нашей первой Государственной Думы. Черезъ восемь лѣтъ послѣ этого отецъ Муромцева вышелъ въ отставку и поселился въ купленномъ имъ имѣніи въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Тамъ, въ деревнѣ, и прошло все дѣтство Сергѣя Андреевича. Онъ росъ живымъ, смѣтливымъ, бойкимъ мальчикомъ. Рано сталъ замѣчаться въ немъ острый умъ, рано началъ онъ серьезно вглядываться въ то, что дѣлалось кругомъ его и по своему размышлять о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Ему было десять лѣтъ, когда по всей Россіи пошли усиленные толки о томъ, что скоро крѣпостные крестьяне получатъ волю и настанетъ и въ деревняхъ, и въ городахъ новая жизнь. Мальчикъ жадно вникалъ въ эти слухи. Былъ у него дядя, серьезный, умный человѣкъ, много говорившій о готовящихся перемѣнахъ въ русскихъ порядкахъ. Къ этому дядѣ мальчикъ привязался всей душой, безъ конца выспрашивая у него о томъ, какія перемѣны должны скоро настать въ Россіи.

Разговоры съ дядей совсѣмъ расшевелили его умъ. Онъ сталъ заглядывать въ разныя книжки, какія только встрѣчались подъ рукою. Попала ему книжка подъ названіемъ: „Справочная книжка для русскихъ офицеровъ". Тамъ было объяснено, какъ управляются разныя государства. Съ этого времени и на всю остальную жизнь Муромцевъ получилъ охоту къ тому, чтобы размышлять, какъ лучше устроить управленіе государствомъ такъ, чтобы каждый человѣкъ въ государствѣ чувствовалъ себя свободнымъ и могъ всегда получить защиту отъ всякой несправедливости. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ самъ себѣ придумалъ игру въ государство. Садъ при отцовскомъ домѣ онъ представлялъ себѣ подвластной ему страной, въ которой надо завести новые правильные порядки управленія. Стояли въ саду двѣ бесѣдки. И вотъ мальчикъ рѣшилъ, что одна изъ этихъ бесѣдокъ будетъ въ его игрушечномъ государствѣ мѣстомъ для собранія народныхъ представителей, которые должны будутъ обсуждать и составлять новые законы. А въ другой бесѣдкѣ будетъ собираться второе собраніе, тоже изъ выборныхъ людей, для вторичнаго разсмотрѣнія этихъ законовъ. Такъ, уже въ дѣтскихъ своихъ играхъ будущій предсѣдатель первой русской Думы стоялъ на томъ, что въ правильно устроенномъ государствѣ составленіе законовъ должно принадлежать выборнымъ представителямъ самого народа.

Была у нашего мальчика и еще одна любимая игра. Каждый день онъ писалъ свою газету, въ которой описывалъ все, что за день случилось въ имѣньи отца и въ сосѣднихъ деревняхъ. Такъ онъ дѣлалъ изо дня въ день въ теченіе двухъ лѣтъ и записывалъ все такъ точно и аккуратно, что бывало и взрослые наводили справки по его рукописной газетѣ о томъ, что когда случилось.

II.

Пришло время отдавать мальчика въ гимназію, и семья Муромцевыхъ для этого переѣхала изъ деревни въ Москву. Къ ученью Муромцевъ сразу проявилъ большія способности. Книги читалъ онъ съ жадностью. А вмѣстѣ съ чте-

ніемъ книгъ онъ, чѣмъ старше становился, тѣмъ внимательнѣе и живѣе слѣдилъ за порядками управленія, за тѣмъ, какъ живется различнымъ классамъ народа, за вновь выходящими распоряженіями правительства. Прошло уже нѣсколько лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостного права. Въ Россіи вводились новые суды, устраивалось земство. Юный Муромцевъ, бывшій въ это время въ старшихъ классахъ гимназіи, сильно заинтересовался всѣми этими нововведеніями. Въ свободное отъ гимназіи время онъ летѣлъ то въ засѣданіе окружнаго суда, то въ засѣданіе московскаго земскаго собранія, чтобы послушать, какъ тамъ ведутся дѣла, удачно ли принимаются за работу новыя учрежденія. Въ юномъ гимназистѣ мы уже видимъ серьезнаго, сознательнаго гражданина. Онъ любилъ уже говорить о томъ, что никто не долженъ отказываться отъ общественнаго дѣла, что не слѣдуетъ уклоняться отъ принятія выборныхъ должностей, что все благо народа зависитъ отъ дружной готовности всѣхъ и каждаго думать не только о своихъ дѣлахъ, но и о дѣлахъ общественныхъ. Онъ горячо убѣждаетъ отца, чтобы тотъ непремѣнно выбирался въ своей мѣстности въ предсѣдатели съѣзда мировыхъ судей.

Съ такими чувствами и помыслами Муромцевъ кончилъ гимназію и перешелъ въ университетъ. Здѣсь онъ принялся за серьезное изученіе наукъ юридическихъ. Такъ называются такія науки, которыя какъ разъ учатъ тому, какъ должно быть устроено правильное управленіе государствомъ, какъ должны быть опредѣляемы въ законахъ права каждаго отдѣльнаго гражданина и ихъ взаимныя отношенія между собою. Серьезный интересъ ко всему этому явился у Муромцева еще въ ранней юности. Теперь, студентомъ, онъ горячо принялся за изученіе этихъ вопросовъ для того, чтобы стать полезнымъ дѣятелемъ для своей родины. Онъ не терялъ времени даромъ. Учебная работа закипѣла у него со всей силой. Во всю свою жизнь Муромцевъ каждое дѣло велъ строго обдуманно, все заранѣе взвѣсивъ и предусмотрѣвъ. Ничего не дѣлалось у него случайно. Все всегда по точному плану. Такъ, и ставъ студентомъ, онъ скоро начертилъ себѣ твердо и опредѣленно, какъ пойдетъ его дальнѣйшая жизнь.

Онъ рѣшилъ, что для блага Россіи необходимо, чтобы по возможности всѣ и каждый ясно сознавали, въ чемъ должны состоять права гражданина, какъ эти права слѣдуетъ защищать отъ неправильныхъ нарушеній ихъ, и какъ для этой цѣли должно быть устроено государство и управленіе государствомъ. Рѣшивъ это, онъ положилъ себѣ изучить юридическія науки и потомъ самому стать учителемъ въ университетѣ, чтобы содѣйствовать широкому распространенію этихъ знаній среди русскихъ людей. И привыкнувъ дѣлать все по строгому плану, онъ сразу опредѣлилъ, когда и что будетъ имъ сдѣлано для этой цѣли. Еще студентомъ (въ 1869 г.) онъ написалъ въ своей записной книжкѣ, что черезъ шесть лѣтъ онъ приготовитъ свое главное ученое сочиненіе, а лѣтъ черезъ семь, восемь начнетъ читать лекціи въ университетѣ, то есть, станетъ тамъ учителемъ (профессоромъ). Такъ все и вышло, какъ по писаному. Но въ записи 1869 г. Муромцевъ высказалъ и другое пророчество о себѣ: „а потомъ,—предсказывалъ онъ тогда—начальство мнѣ прикажетъ уйти въ отставку изъ университета за распространеніе свободныхъ мыслей". Сбылось въ свое время и это пророчество.

Ставъ профессоромъ въ московскомъ университетѣ съ 1875 г., Муромцевъ десять лѣтъ продолжалъ читать лекціи студентамъ и писать книги по своей наукѣ. Студенты любили слушать лекціи Муромцева. Онъ былъ крупнымъ ученымъ, умѣлъ живо и ясно излагать свою науку и объяснять ученикамъ, какую пользу можетъ и должна приносить эта наука для жизни. О жизни онъ никогда не забывалъ. Онъ имѣлъ одно самое горячее желаніе, дожить до такого времени, когда и русскій народъ получитъ возможность, какъ и другіе народы у себя, участвовать черезъ выборныхъ представителей въ составленіи законовъ и въ надзорѣ за правильностью управленія. И онъ стремился сдѣлать все для того, чтобы возможно большему количеству людей разъяснить, какъ это нужно и важно для пользы родины. Онъ говорилъ объ этомъ студентамъ на лекціяхъ. Кромѣ того онъ сталъ издавать журналъ „Юридическій Вѣстникъ". Въ журналѣ этомъ уже печатно указывалось, какъ много непорядковъ творится въ Рос-

сіи оттого, что граждане отстранены отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, описывались порядки другихъ странъ, гдѣ народъ выбираетъ своихъ представителей въ законодательное собраніе и показывалось, насколько это важно для народа. При московскомъ университетѣ образовалось общество изъ профессоровъ, адвокатовъ и другихъ лицъ, которые собирались вмѣстѣ для устнаго обсужденія подобныхъ вопросовъ. Общество это было названо „Юридическимъ Обществомъ". Муромцевъ сталъ предсѣдателемъ этого общества и съ удивительнымъ искусствомъ и знаніемъ дѣла началъ руководить занятіями своихъ товарищей по обществу. Уже тогда всѣ убѣдились въ томъ, какъ хорошо умѣетъ Муромцевъ предсѣдательствовать въ большихъ собраніяхъ при обсужденіи государственныхъ вопросовъ. Серьезно и торжественно руководилъ онъ занятіями общества. Всѣ съ глубокимъ уваженіемъ прислушивались къ его слову, когда онъ вставалъ съ своего мѣста, высоко поднималъ свою красивую голову, окидывалъ собраніе внимательнымъ взоромъ прекрасныхъ умныхъ глазъ изъ-подъ блестящихъ очковъ и, не торопясь, ровнымъ и увѣреннымъ голосомъ начиналъ свою рѣчь.

III.

Наступили послѣдніе годы царствованія императора Александра II. По Россіи все сильнѣе шли толки о томъ, что для улучшенія русской жизни пора многое измѣнить въ русскихъ порядкахъ. И вотъ, „Юридическое общество" въ Москвѣ, руководимое Муромцевымъ, начинаетъ составлять по извѣстному плану совершенно законченные проекты законовъ по разнымъ вопросамъ государственной жизни. Эта работа всего болѣе была по сердцу Муромцеву. Онъ всегда любилъ говорить: „вмѣсто того, чтобы только твердить, что нужно сдѣлать, покажите лучше, какъ это можно сдѣлать". И еще онъ говорилъ нерѣдко: „Прежніе порядки въ Россіи не могутъ сохраниться всегда; придетъ время, когда не одни чиновники будутъ вершить государственныя дѣла, а и самому обществу будетъ предоставлено въ нихъ участвовать. Но нужно заранѣе готовиться къ

этому времени. Пусть оно не застанетъ насъ врасплохъ. Необходимо заблаговременно составить тѣ самые законы, которые мы стали бы предлагать и поддерживать, когда явились бы по выбору народа въ законодательное собраніе". И вотъ, Муромцевъ усердно и съ увлеченіемъ началъ направлять работы Юридическаго общества на составленіе такихъ законодательныхъ предложеній. Въ то же время у Муромцева и нѣкоторыхъ близкихъ ему людей,— профессора Чупрова, Скалона и другихъ—сложилось рѣшеніе составить записку о неотложныхъ нуждахъ Россіи для предъявленія ея правительству. Весною 1880 г. записка эта была составлена; ее подписали многіе извѣстные москвичи, и она была подана графу Лорисъ-Меликову, который стоялъ тогда во главѣ правительства. Муромцевъ былъ главнымъ участникомъ въ составленіи этой записки. Въ ней подробно перечислялись неустройства русской жизни и заявлялось прямо и опредѣленно, что для поправленія этихъ неустройствъ необходимо прежде всего призвать выбранныхъ представителей народа къ участію въ управленіи и дать свободу развитію и выраженію общественной мысли.

Вскорѣ послѣ подачи этой записки и сбылось пророчество Муромцева о томъ, что онъ будетъ удаленъ изъ университета за распространеніе свободныхъ мыслей. Въ 1884 г. Муромцевъ былъ отставленъ отъ должности университетскаго профессора.

Однако, онъ не отсталъ отъ общественнаго дѣла. Ставъ присяжнымъ повѣреннымъ, онъ въ то же время вступилъ въ гласные московской городской думы и московскаго губернскаго земства. И по городскимъ, и по земскимъ дѣламъ онъ работалъ очень усердно и приносилъ много пользы сотоварищамъ по этой работѣ своими познаніями въ законахъ. Среди этихъ занятій онъ никогда, однако, не упускалъ изъ виду своей главной цѣли—неустанно призывать людей къ тому, чтобы они готовились къ будущему участію и въ дѣлахъ общегосударственныхъ. Такъ прошло около двадцати лѣтъ.

И вотъ, наступила пора, когда всю Россію снова, но съ неизмѣримо большей силой, нежели за 20 лѣтъ передъ

тѣмъ, охватило общее стремленіе къ обновленію и улучшенію всѣхъ государственныхъ порядковъ. Неудачная война съ Японіей убѣдила всѣхъ, что прежніе порядки ведутъ Россію не къ силѣ, а къ слабости, что дальше такъ жить нельзя, что къ государственному переустройству Россіи должны быть допущены представители самаго народа.

Въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1904 года съѣхались земскіе дѣятели со всей Россіи и положили сообща выработать основные пункты желательныхъ перемѣнъ въ государственномъ управленіи. Вѣдь это было то самое, о чемъ Муромцевъ и его друзья мечтали еще четверть вѣка тому назадъ! Какъ будто начинали сбываться ихъ давнишнія стремленія. И Муромцевъ встрепенулся и воспрянулъ. Въ совѣщаніи земцевъ въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1904 года онъ принялъ видное участіе. Съ его содѣйствіемъ совѣщаніе это приняло и огласило во всеобщее свѣдѣніе 11 пунктовъ о желательныхъ перемѣнахъ въ управленіи и прежде всего тамъ было заявлено, что „ввиду важности и трудности положенія, переживаемаго Россіею“, необходимо, чтобы Верховная Власть призвала свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести отечество на новый путь.

Такъ собравшіеся въ Петербургѣ земцы начали великое дѣло. Было необходимо, чтобы ихъ поддержали другія общественныя учрежденія. И Муромцевъ, не медля ни минуты, принялся хлопотать объ этомъ. Изъ Петербурга онъ поспѣшилъ въ Москву. Тамъ вмѣстѣ съ своими ближайшими друзьями изъ состава гласныхъ городской думы, онъ склонилъ всю думу къ тому, чтобы и она подняла свой голосъ за необходимость созыва народныхъ представителей. Этотъ голосъ раздался 30 ноября 1904 г. Московская городская дума въ этотъ день приняла постановленіе, совпадающее съ заявленіями съѣзда земцевъ. Но Муромцевъ и послѣ этого не сложилъ рукъ. Онъ выступилъ тогда же въ московскомъ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, призывая и своихъ товарищей-адвокатовъ послѣдовать примѣру земцевъ. И тогда совѣты и московскихъ и петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, соединившись вмѣстѣ, явились въ полномъ составѣ къ министру вну-

треннихъ дѣлъ Святополку-Мирскому съ заявленіями о необходимости созыва народныхъ представителей.

Между тѣмъ и земцы рѣшили продолжать свои съѣзды для дальнѣйшей разработки предположеній о необходимыхъ преобразованіяхъ. Въ апрѣлѣ 1905 г. земцы различныхъ губерній снова собрались, на этотъ разъ въ Москвѣ. Муромцевъ предсѣдательствовалъ. Вопросъ шелъ теперь о томъ, какъ должно быть устроено будущее собраніе народныхъ представителей. Муромцевъ участвовалъ въ обсужденіи этого вопроса и высказался за то, чтобы народные представители въ будущую Государственную Думу были выбираемы всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ. Послѣ этого съѣзда Муромцевъ засѣлъ за составленіе полнаго проекта русской конституціи, т. е., Основного Закона, въ которомъ должно было подробно обозначить устройство всего управленія государствомъ съ участіемъ народныхъ представителей. Онъ проработалъ надъ составленіемъ этого проекта весь май и весь іюнь. Ему помогали его друзья, также члены земскихъ съѣздовъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, Н. Н. Львовъ и Н. Н. Щепкинъ. 6 іюля этотъ проектъ былъ напечатанъ въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“. Въ этотъ же день открылся новый съѣздъ земцевъ, совмѣстно съ членами городскихъ думъ различныхъ городовъ. Приступили къ обсужденію проекта конституціи или Основного Закона, составленнаго Муромцевымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили составить обращеніе ко всему населенію Россіи, съ разъясненіемъ того, чѣмъ занимаются земцы на своихъ совѣщаніяхъ и какихъ именно перемѣнъ они добиваются. Начались продолжительные споры о томъ, какъ лучше составить это обращеніе къ населенію. Споры разгорались и затягивались. Тогда-то всѣ вполнѣ оцѣнили достоинства Муромцева, какъ направителя и руководителя большихъ собраній, при обсужденіи сложныхъ дѣлъ. Муромцевъ всегда былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы обсужденія и споры привели къ опредѣленной цѣли. Среди общаго возбужденія и волненія онъ остается спокойнымъ и сосредоточеннымъ. Наконецъ, всѣ уже изнемогли, спорящіе никакъ не могутъ столковаться, и уже начинаетъ казаться, что вотъ-вотъ развалится все дѣло. Тогда-то выступаетъ

Муромцевъ. Пока кипѣли споры, онъ спокойно и сосредоточенно обдумывалъ спорное дѣло, и посреди общей усталости онъ чувствуетъ себя въ полной силѣ для того, чтобы указать всѣмъ возможный выходъ изъ затрудненій. Такъ бывало часто, такъ вышло и на съѣздѣ въ іюлѣ 1905 г. при обсужденіи обращенія съѣзда къ населенію. До двухъ часовъ ночи шло бурное засѣданіе. Спорили запальчиво и не пришли къ соглашенію. Тогда Муромцевъ заявилъ, что онъ берется къ слѣдующему дню составить такое обращеніе къ населенію, которое примиритъ всѣхъ спорщиковъ. И вотъ, всѣ ушли спать, а Муромцевъ съ Набоковымъ остались вдвоемъ перерабатывать обращеніе къ населенію. Они проработали до пяти часовъ утра.—По временамъ—разсказываетъ Набоковъ въ своихъ воспоминаніяхъ—я начиналъ уставать и торопить Сергѣя Андреевича. Но онъ былъ неумолимъ и спокоенъ до конца, до послѣдней точки вниманіе его не ослабѣвало ни на одну минуту. Когда мы встали изъ-за стола—говоритъ Набоковъ,—я былъ совершенно измученъ, а онъ, казалось, могъ бы свободно просидѣть еще столько же. И потомъ оказалось, что, вернувшись домой, онъ не ложился спать, а взялъ ванну и занялся другими дѣлами. „Я тогда почувствовалъ—говоритъ Набоковъ—какая огромная, напряженная сила таилась въ немъ,—сила упорства, сила воли, сила вниманія, не знающаго промаховъ и оплошностей“. Зато, когда на слѣдующій день было прочитано въ засѣданіи съѣзда составленное за ночь Муромцевымъ обращеніе къ населенію, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, признали, что оно составлено такъ хорошо, что спорить болѣе уже совершенно не о чемъ. Такъ много сдѣлалъ Муромцевъ на земскихъ съѣздахъ 1904 и 1905 годовъ. И тогда же для многихъ стало ясно, что именно Муромцевъ будетъ лучшимъ предсѣдателемъ будущей Государственной Думы.

Когда образовались политическія партіи, Муромцевъ присоединился къ партіи народной свободы. Отъ этой партіи онъ прошелъ въ Первую Государственную Думу, какъ одинъ изъ депутатовъ отъ города Москвы.

IV.

27 апрѣля 1906 года Первая Государственная Дума избрала Муромцева своимъ предсѣдателемъ. Въ отвѣтъ на это избраніе Муромцевъ произнесъ свою единственную рѣчь въ стѣнахъ Государственной Думы. Онъ сказалъ: „Кланяюсь Государственной Думѣ. Совершается великое дѣло. Воля народа получаетъ свое выраженіе въ формѣ правильнаго, постоянно дѣйствующаго, на неотъемлемыхъ законахъ основаннаго, законодательнаго учрежденія. Великое дѣло налагаетъ на насъ и великій подвигъ, призываетъ къ великому труду. Пожелаемъ другъ другу и самимъ себѣ, чтобы у всѣхъ насъ достало силъ для того, чтобы вынести его на своихъ плечахъ на благо избравшаго насъ народа, на благо родины". И къ этому Муромцевъ прибавилъ, что, совершая эту работу, Дума должна во-первыхъ, уважать преимущества, принадлежащія конституціонному монарху и, во-вторыхъ, въ полной мѣрѣ пользоваться тѣми правами, которыя должны быть присущи всякому народному представительству.

Уже изъ этой рѣчи видно, какъ высоко ставилъ Муромцевъ значеніе Государственной Думы. Онъ считалъ, что Дума должна быть выразительницей воли народа и потому должна быть окружена величайшимъ уваженіемъ и сама должна стойко оберегать свои права. Муромцевъ не произнесъ болѣе ни одной рѣчи въ Государственной Думѣ. Онъ полагалъ, что предсѣдатель и не долженъ принимать участія въ думскихъ обсужденіяхъ. Его дѣло — блюсти честь и достоинство Думы, поддерживая строгій порядокъ въ ея засѣданіяхъ и не позволяя никому умалять принадлежащія ей по закону права. И это свое дѣло Муромцевъ выполнялъ такъ превосходно, что всѣ члены Думы безъ различія партій восхищались его предсѣдательствованіемъ и признавали его своимъ общимъ вождемъ.

Прежде всего Муромцевъ самъ держался на предсѣдательскомъ мѣстѣ серьезно, торжественно, даже величественно. Онъ показывалъ этимъ, что собраніе представителей народа есть великое мѣсто, гдѣ всѣ должны быть серьезны, слѣдя за каждымъ своимъ словомъ, не забывая

ни на минуту, что народъ выбираетъ своихъ представителей для дѣла важнаго и отвѣтственнаго. Одинъ старикъ-крестьянинъ, попавъ въ Петербургъ, побывалъ въ первой Думѣ, когда тамъ предсѣдательствовалъ Муромцевъ. Когда этого старика потомъ спрашивали, понравилось ли ему въ Думѣ, онъ съ умиленіемъ отвѣчалъ: „Муромцевъ очень понравился: онъ ведетъ дѣло, точно митрополитъ въ соборѣ служитъ". Этотъ крестьянинъ хорошо понялъ Муромцева. Для Муромцева Государственная Дума была на самомъ дѣлѣ святымъ мѣстомъ, гдѣ люди должны трудиться на благо своего народа и гдѣ всѣ поэтому должны быть серьезны и строги къ себѣ. Муромцевъ требовалъ такого же поведенія и отъ всѣхъ членовъ Думы. Онъ никому никогда не мѣшалъ свободно высказывать свои мысли въ Думѣ. Но онъ рѣшительно не допускалъ никакихъ грубыхъ выраженій, брани, посмѣшекъ. Но уже не говоря объ этомъ, Муромцевъ сейчасъ же останавливалъ всякаго, у кого хотя бы случайно срывалось съ языка бранное или даже просто насмѣшливое слово. Всѣ депутаты должны уважать другъ друга, всѣ депутаты должны уважать самую Думу, въ которую они посланы народомъ и потому должны держать себя тамъ вѣжливо, чинно и благоговѣйно, какъ въ церкви. Вотъ чего требовалъ Муромцевъ. Онъ былъ при этомъ глубоко безпристрастнымъ. Онъ не смотрѣлъ на лица. Всѣмъ одинаково дѣлалъ онъ строгія замѣчанія, если это было нужно: своимъ друзьямъ точно такъ же, какъ и своимъ противникамъ. И всѣ были ему за это глубоко благодарны и всѣ охотно подчинялись ему. Для всѣхъ было ясно, что его забота лишь о томъ, чтобы Государственная Дума стояла высоко, чтобы ей никто не не могъ и не смѣлъ дѣлать упрековъ. Онъ хотѣлъ этимъ укрѣпить положеніе Думы и помочь ей отстаивать интересы народа. Строгій, суровый, торжественный стоялъ онъ на своемъ мѣстѣ и велъ засѣданіе твердо, въ полномъ сознаніи правоты своихъ дѣйствій. Но несмотря на его суровость, всѣ члены Первой Думы не только слушались его, но и сердечно любили его. Они всѣ чувствовали, что Муромцеву Дума была дорога, потому что ему дорога была родина, для блага которой онъ пошелъ въ Думу.

Депутатъ-трудовикъ Бондаревъ говоритъ въ своихъ воспоминанiяхъ о первой Думѣ и о Муромцевѣ: „Когда въ человѣкѣ съ сѣдой головой работаетъ живая мысль, и въ великомъ порывѣ служенiя родинѣ бьется его сердце,— вотъ это заставляетъ довѣрять ему и любить его и потому-то депутаты-крестьяне, возвращаясь послѣ бесѣды съ Муромцевымъ, часто говорили: „вотъ, кажется, всегда бы и говорилъ съ нимъ“.

И когда для членовъ Первой Думы настали дни тяжелыхъ испытанiй, Муромцевъ доказалъ, что онъ считалъ себя неразрывно, всей душой связаннымъ со своими товарищами по Думѣ. Вмѣстѣ съ ними послѣ роспуска Первой Думы поѣхалъ онъ въ Выборгъ, вмѣстѣ съ ними съ гордо поднятой головой, какъ всегда спокойный и величественный, онъ вошелъ въ тюрьму и отбылъ тюремное заключенiе.

V.

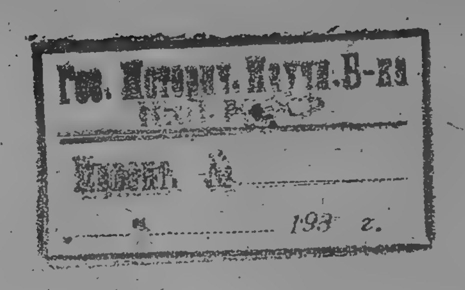
Послѣ роспуска Первой Государственной Думы Муромцевъ прожилъ четыре года. Отбывъ тюремное заключенiе вмѣстѣ съ другими перводумцами за подписанiе Выборгскаго воззванiя, Муромцевъ началъ по прежнему заниматься наукой и читать лекцiи въ разныхъ учебныхъ заведенiяхъ. Всюду, куда бы онъ ни появлялся, всѣ выражали ему знаки величайшаго почтенiя. Его предсѣдательствованiе въ Первой Думѣ глубоко запало въ общественную память и вызывало къ нему у многихъ чувства почтительной благодарности. Когда онъ посѣщалъ какое-нибудь общественное мѣсто, гдѣ было много народа, всѣ присутствующiе нерѣдко подымались и, стоя, привѣтствовали бывшаго Предсѣдателя Первой Думы. Твердо запомнилось его имя и во многихъ крестьянскихъ хатахъ. Въ послѣднiе четыре года своей жизни Муромцевъ постоянно отовсюду получалъ письма отъ крестьянъ съ вопросами о томъ, какъ имъ быть въ разныхъ житейскихъ затрудненiяхъ.

Труды и волненiя пошатнули здоровье Муромцева. Въ его голосѣ и взглядѣ чувствовалось утомленiе. Но духъ его былъ бодръ и полонъ вѣры въ то, что еще настанутъ

лучшія времена. Онъ много работалъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и когда въ Москвѣ возникъ народный городской университетъ, Муромцевъ съ готовностью согласился вступить туда въ число преподавателей.

4 октября 1910 года Муромцевъ скончался въ Москвѣ скоропостижно, во время сна. Вѣсть о его кончинѣ встрепенула всѣхъ. На панихиды по усопшемъ являлись такія громадныя толпы, что приходилось, кромѣ панихидъ у гроба, совершать заупокойную службу подъ открытымъ небомъ передъ тѣмъ домомъ, гдѣ была квартира Муромцева. Въ день похоронъ вся Москва была на ногахъ. Всѣ хотѣли отдать послѣдній долгъ „первому русскому гражданину", какъ называли усопшаго провожавшіе останки Муромцева къ могилѣ. На безконечное разстояніе разстянулось по Москвѣ похоронное шествіе. Оно прибыло къ могилѣ уже поздно вечеромъ. Солнце зашло. Въ темнотѣ зажгли факелы, и при ихъ свѣтѣ началось погребеніе. Несмѣтныя толпы народа пѣли „Вѣчную память", и долго-долго переливались въ вечернемъ воздухѣ могучіе звуки печальнаго погребальнаго пѣнія.

Муромцева не стало, но имя его пріобрѣло безсмертіе. Память о Муромцевѣ неразрывно связалась съ памятью о Первой Государственной Думѣ, которая такъ беззавѣтно стремилась къ завоеванію народнаго счастья. О Первой Думѣ и о Муромцевѣ будутъ помнить на Руси, пока у насъ не переведутся люди, болѣющіе душой о благѣ народномъ.

Того же автора:

М. С. Щепкинъ. (Эпизодъ изъ исторіи русскаго сценическаго искусства). Ц. 2 р.

Исторія мѣстнаго самоуправленія въ Россіи. Историческій очеркъ. IX—XIX вв. Изд. 2-е. Ц. 3 р.

Первый общедоступный театръ въ Россіи. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Цѣна: 40 коп.

Кн-во „ЗАДРУГА“.

Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9.

Петроградъ, Гончарная 24.

Отдѣл. въ Харьковѣ: Петровскій пер., 13, кн.-во **„Народная свобода“.**

